

Ярина Н. В.

[ЭРОТИЧЕСКАЯ ГАЛАНТНОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖОНА КЛЕЛАНДА](#)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/110.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

[Альманах современной науки и образования](#)

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. I. С. 256-257. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

«пределы» нравственности и безнравственности. Психологическое воздействие подобных произведений на читателя, пожалуй, состоит в том, чтобы исходить вдоль и поперек все мыслимое поле желаний, поверить в ту силу волшебства, которым обладает эротика. Следует признать, что данный «жанр, изображающий мужчин всегда неустанными, а женщин - изнывающими от желания» [Melville 1973: 23] подобно преисполненной благородства куртуазной любовной повести, есть романтический вымысел. Подобная литература скрашивала монотонность будничной действительности. И в этом, как считает И. Хейзинга, «проявляется грандиозное устремление культуры: влечение к прекрасной жизни, потребность видеть жизнь более прекрасной, чем это возможно в действительности, - и тем самым насильно придавать любви формы фантастического желания» [Хейзинга 1988: 123].

Художественное освоение чувственно-эротического в послевозрожденческие столетия не прошло бесследно. И хотя искусство еще не могло вобрать в свой образный строй все сложности и перипетии любовных отношений, этой практикой оно формировало новую почву культуры, на которой смогли состояться художественные открытия, последующих веков.

Эротическая литература XVIII века - это настоящее зеркало страстей той эпохи, которое даёт новое представление о культурных понятиях, сексуальных нормах и обычаях, принятых в обществе. Именно в начале позапрошлого столетия происходит коренной перелом в общественном и в художественном сознании: проблема чувственной страсти, поглощающей всего человека, внезапного наваждения, играющего с ним злую шутку, извлекается из «подполья», освобождается от мифологического фона и становится открыто обсуждаемой, равноправной темой в искусстве.

Список использованной литературы

1. Гитин В.Г., Скорняков Е.И. Феномен порнографии.- Харьков, 2002.
2. Клеланд Джон. Мемуары женщины для утех.- М., 2001.
3. Маркиз де Сад. Насмешка судьбы.- СПб., 2001.
4. Melville R. Erotic art of West. - N.Y., 1973.
5. Фукс Э. Буржуазный век. Конвейер удовольствий. - М., 2001.
6. Хейзинга И. Осень средневековья. - М., 1988.

ЭРОТИЧЕСКАЯ ГАЛАНТНОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖОНА КЛЕЛАНДА

Ярина Н. В.

Магнитогорский государственный университет

Временем создания романа Джона Клевланда «Мемуары женщины для утех» (1749), известный для большинства читателей современников автора как «Фани Хилл», время торжества галантности. Ею проникнуто все, начиная с внешнего вида мужчин, женщин и даже детей, заканчивая изображением самых аморальных поступков, которые совершаются в полном соответствии с этикетом, свободных отношений и тягой к легкой, полных разнообразных физических удовольствий жизни, где грани морали переступались без зазрения совести, а стыдливость и целомудрие подвергалось издевательствам и насмешкам. Так главная героиня романа Фани Хилл чувствует себя в долгу у девушек за избавление её от «пут целомудрия», а в последствии и от остатков всякого стыда [«...Так попала я в круг знакомств, где вскоре с меня содрали последние остатки стыдливости и целомудрия, какие только могли ещё уцелеть от моего деревенского воспитания и какие оставались - на праведный вкус,- возможно, величайшими из моих прелестей.» Клевланд, 2001: 131]

В эротической сфере галантность абсолютизма отразилась как провозглашение женщины властительницей всего и вся. Век абсолютизма - классический век женщины, век безусловного её культа. Однако век господства женщины никогда не был веком её возвышения, как можно было бы подумать. Этот период был временем её глубочайшего унижения. Вот как называются женщины, в том числе и сама героиня в романе Клевланда: «...миссис Браун вовсе не желала, чтобы я встречалась с кем-нибудь: ни с её клиентами, ни с её САМОЧКАМИ, <...> до тех пор, пока не отыщет на рынке утех хорошего покупателя на мою девственность...» [Клевланд, 2001: 27]. Женщин оценивали не по человеческим качествам, а по «лошадиной классификации» [Клевланд, 2001: 39], по критериям которой они могли представлять из себя товар как редкого качества для элиты, так и вещи общедоступного пользования, становились «принадлежностью дома», как предметы интерьера, и блюли ему верность, обычным товаром в сделках купли-продажи, не имеющим прав на собственные чувства и желания [«...ведь было бы то угодно мужчинам, они стали бы почитать их как собственных тиранов своих...», Клевланд, 2001: 131]. Большую часть «товара», и, конечно же, продавцов и покупателей «рынка утех» такое положение дел полностью устраивало.

Подобная свобода нравов породила особый взгляд на измены. В неверности женщины виделась та пикантность, которая способна повысить половое наслаждение. Героиня, делясь опытом с читателем, пишет: «Среди любовниц на содержании ... я едва ли знала такую, которая совершенно искренне не ненавидела бы своего содержателя, потому они, разумеется, мало смущались, если вообще смущались, любой изменой, какую скрытно могли себе позволить» [Клевланд, 2001: 132].

Женщина воспринимается как орудие наслаждения, живое воплощение чувственности. Именно этим и объясняется тот факт, что в данный период в женщине обращает на себя внимание только её физическая

красота. Описывается лишь внешний облик женщины, её одежда, цвет её лица, красота фигуры (или её изысканности), всё это без малейшего упоминания о её внутренних качествах. Вот какие описания женщин и их красоты встречаются в романе: «Девушке было не больше восемнадцати лет. Черты лица у неё были правильными и приятными, фигура - превосходная, и, уж конечно же, я не могла не позавидовать её созревшей обворожительной груди, полушария которой, так прелестно наполненные плотью, вдобавок были так круглы и так туги, что держались сами по себе безо всякой поддержки, сосцы смотрели в разные стороны, обозначая приятное разделение грудей, ниже которых раскинулось изумительное поле живота, завершавшееся прожилкой или расселиной едва различимой, которую целомудрие, казалось, упрятывало вниз, в убежище между двумя полноватыми бёдрами, выющиеся волосы покрыли это место очаровательным собольим мехом, роскошнее которого не было во всём свете. Говоря коротко, девушка явно принадлежала к тем грациям, о коих мечтают художники разыскивающие образцы женской красоты - во всей её природной гордости и великолепии наготы» [Клеланд, 2001: 64]; «Эмили - девушка светловолосая, даже слишком, все части ее тела были, если такое возможно, слишком хороши, поскольку спелая их полнота могла вызвать нарекания у тех ценителей красоты со вкусом потоньше, какие отдают предпочтение изящной худобе, голубые глаза ее излучали невыразимую сладость, не было ничего прелестней ее рта и губ, смыкавшихся над рядом ровнейших и белейших зубов» [Клеланд, 2001: 184]. Ещё одним доказательством того, что вся царившая в эпоху абсолютизма роскошь мод служит доказательством того, что вся жизнь тогда покоилась на чувственности, это то, что средоточием этой самой роскоши и была сама женщина. Она в эту эпоху была самым драгоценным предметом роскоши, которую мог себе позволить мужчина, и чем женщина красивее, тем выше её цена, и, соответственно, титул её любовника.

Любовь - только случай испытать то наслаждение, которое в особенности ценилось этой эпохой. И это вовсе не думали скрывать, напротив, все в этом открыто признавались. Любовная связь в это время становится ничем иным как договором, не предполагающим постоянных обязательств: его можно разорвать в любой момент, а потом сделать вид будто ничего и не было. Вот типичный пример одного из законов, царивших в одном из домов терпимости, в котором побывала Фани Хилл: «Соблюдался неукоснительный закон: каждый кавалер держался своей партнёрши (особенно на ночь) до тех пор, пока не отказывался от своих на неё прав в пользу честной компании, - закон гарантировал приятную собственность и позволял избежать мерзостей и грубостей, связанных с изменением связей...» [Клеланд, 2001: 235]. Снисходя до ухаживающего за ней молодого человека, женщина отдавала себя не всецело, а только на несколько мгновений наслаждения или же продавала себя за положение в свете. Таковы были отношения Фани с мистером Г..

В XVIII в. любовь - ремесло. Поэтому каждый должен был её сначала изучить, тем более что мужчина и женщина стремятся к тому, чтобы в этой области не оставаться простыми дилетантами, а достигнуть полного совершенства. Начало своего опыта героиня описывает следующим образом: «Не успела сия достойная преемница драгоценной моей хозяйки, которая никогда не упускала случая потешить свою похоть, улечься, как сразу же повернулась, обняла и поцеловала меня весьма крепко. Это было ново. Это было странно. Однако я и представить себе не могла, что за этим что-то кроется, кроме чистой доброты, может, думала я, именно так в Лондоне она и выражается, и тут, решив не отставать от доброй моей напарницы, я ответила ей поцелуем и объятием со всем трепетом, который доступен лишь совершеннейшей невинности. Ободренная этим, Фоби разом распустила руки и прошлась ими по всем частям моего тела: где притрагиваясь, где сжимая, где поглаживая, что скорее распалало и удивляло меня новизной и необычностью ощущений, чем отвращало или путало» [Клеланд, 2001: 28]. Впервые в мировоззрении людей начинает играть значительную роль нечто вроде сексуального воспитания, которое у нашей героини было возложено на женские плечи, а не на мужские. Каждый воспитывает себя самого «для любви», «для любви» же все воспитывают друг друга. Любовь к одного рода удовольствиям становилась предметом для дружбы [«...молодые джентльмены весьма благопристойные и во всех отношениях безупречные, объединяют их и связывают общая страсть и общие удовольствия» Клеланд, 2001: 181]. Любовь становится не просто занятием для свободного времени, а занимает всё время целиком, становится заменой работы открыто или существует под её прикрытием [«Мы обменивались визитами, церемонно, насколько могли и умели, подражая всем напастям, безрассудствам, дерзостям и грубостям знатных женщин. Новые мои знакомицы лишь понапрасну тратили время, увиваясь вокруг благородных дам, в малюсенькие их головки даже не закрадывалась мысль о том, что не сыскать на свете занятия более глупого, более плоского, более безвкусного и бесполезного, чем, говоря обобщенно, тот образ жизни, какой они вели...» Клеланд, 2001: 131].

Своеобразным девизом эпохи было то, что время считалось потерянными, если оно не было посвящено наслаждению. Отсюда и тяга к разнообразию этих наслаждений, так как даже наслаждения, если они однообразны могут наскучить. Тяга к истязаниям, однополая любовь, любовь в компании - всё это средства удовлетворения полового влечения, поиск новых ощущений, стремление достигнуть пика блаженства и добиться наивысшего профессионализма в искусстве любви, раскрыть все его тайны для удовлетворения желаний любого, даже самого искусственного покупателя страсти. Потому-то данная эпоха особенно высоко ценила женщину, уже от природы настроенную чувственно, жаждущую всё новых наслаждений и вечно мечтающую о праздниках любви.

Список использованной литературы

1. Клеланд Джон. Мемуары женщины для утех. - М. - Изд-во «Гелиос». - 2001.